

одного, то другаго героя слѣдующихъ произведеній гр. Толстого, — сколько слѣд. строки изъ его предсмертной записки: «...Я ужаснулся, когда увидѣлъ, какая неизмѣримая пропасть отдѣляла меня отъ того, чѣмъ я хотѣлъ и могъ быть... Богъ далъ мнѣ благородныя стремленія; я захотѣлъ *наслаждаться* и затопталъ въ грязь все, что было во мнѣ хорошаго... Гдѣ тѣ свѣтлыя мысли о жизни, о вѣчности, о Богѣ, которыя съ такою ясностію и силой наполняли мою душу? Гдѣ надежда на развитіе, сочувствіе ко всему прекрасному, любовь къ роднымъ, къ ближнимъ, къ труду, къ славѣ? Гдѣ понятіе долга?... А какъ-бы я могъ быть *счастливымъ*, ежели бы я шелъ по той дорогѣ, которую, вступая въ жизнь, открылъ мой свѣжій умъ и дѣтское, истинное чувство! Не разъ я пробовалъ выйти изъ колеи, по которой шла моя жизнь, на эту свѣтлую дорогу. Я говорилъ себѣ: употреблю все, что есть у меня воли, и не могъ... Наконецъ я дошелъ до страшнаго убѣжденія, что не могу подняться, пересталъ думать объ этомъ и хотѣлъ забыться; безнадежное раскаяніе еще сильнѣе тревожило меня. Тогда мнѣ въ первый разъ пришла мысль о самоубійствѣ....»

К н. А н д р е й.

На первый взглядъ князь Андрей («Война и міръ») можетъ показаться человѣкомъ окончательно установившимся въ извѣстномъ міросозерцаніи, «нашедшемъ себя», въ которомъ уже нѣтъ этихъ колебаній между различными идеалами, человѣкомъ съ твердымъ характеромъ и большимъ умомъ. На самомъ же дѣлѣ, въ безхарактерности, въ умѣнни носитъ эстетическія «маски» и драпироваться въ «плащи» различныхъ наименованій онъ не только не уступитъ своимъ предшественникамъ, но даже, пожалуй, превзойдетъ ихъ. Въ тѣхъ постоянный разладъ и колебанія между двумя идеала-